

Полякова Татьяна Александровна

преподаватель филологических дисциплин

Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего

профессионального образования Ростовской области

«Зимовниковский педагогический колледж»

Ростовская область, посёлок Зимовники

КУЛЬТУРА И ТЕКСТ В КОНЦЕПЦИИ Ю.М. ЛОТМАНА

Особенностью культурологической концепции Ю.М. Лотмана является «ее выраженная текстоцентричность» [1] – именно текст является основой его подхода к исследованию культуры, которая определяется в качестве «совокупности всей ненаследственной информации, способов организации информации и ее хранения» [3, с. 33]. Рассматривая информацию в качестве одного из важнейших условий жизни человека, Лотман подчеркивает «неизбежность» культуры для жизни коллектива: «мы не можем указать ни на один человеческий коллектив на протяжении многовековой истории..., который не имел бы текстов, специального поведения, осуществляемого специальными людьми или всем коллективом в специальное время для обслуживания особой, культурной функции» [3, с. 32]. Однако культура не является просто хранилищем информации, она представляет собой «сложно организованный механизм» хранения информации, для чего постоянно вырабатываются «наиболее выгодные и компактные способы», получения новой информации, шифровки и дешифровки сообщений, перевода их «из одной системы знаков в другую», иными словами, культура является сложно организованным и гибким механизмом познания [3, с. 33]. Такой подход к определению сущности культуры базируется на основных категориях хранения и передачи информации – понятиях языка и текста.

Изучение культуры в контексте языка (в общесемиотическом значении) позволило Лотману, с одной стороны, зафиксировать ее знаковый характер и

структурную организацию, а с другой, – выявить «вторичность» культуры как «специфически человеческой формы накопления информации» в отношении естественного языка данного социума, что и определяет воспроизведение структуры языка внутренней организацией культуры [3, с. 396]. Однако определение культуры в качестве единого языка приводит к излишней абстрактности подхода, и поэтому Лотман рассматривает культуру в виде сложившегося исторически «пучка семиотических систем (языков)», который может сложиться в «единую иерархию (сверхязык)», но может стать «симбиозом самостоятельных систем» [3, с. 396]. Помимо того, что культура является «пучком» языков, она включает в себя также набор всевозможных «сообщений на этих языках» [3, с. 397], а, следовательно, ее можно рассматривать как совокупность текстов. При этом Лотман противопоставляет Культуру Природе, подчеркивая, что культуру следует рассматривать также и в контексте противопоставления не-культуре, которую он определяет как сферу, «функционально принадлежащую Culture, но не выполняющую ее правил» [3, с. 396].

Многоязычие и существование текстов «не-культуры» определяют «механизм работы культуры как информационного резервуара отдельных человеческих коллективов и в целом человечества», по существу, речь идет о механизме «культурного освоения действительности», который состоит в идентификации текстов, переводе текстов с одних семиотических систем в другие, перемещении границ между текстами культуры и «не-культуры». Следовательно, областью повседневной культурной деятельности становится перевод некоторой части действительности на определенный язык культуры, трансформацию его в текст, т.е. запечатленную известным образом информацию, и «внесение ее в коллективную память» [3, с. 397], механизмы которой создаются коллективным сознанием аналогично механизмам памяти индивидуального сознания. Так возникают формы коллективной памяти в качестве определенных типов сознания – мифа, а затем истории. Причем

достоянием памяти становится только та часть действительности, которая переведена в некоторую систему знаков, т.е. текст рассматривается как «адекват жизни» [3, с. 398]. Например, в этом контексте Лотман рассматривает летопись, которая «изоморфна действительности»: превратить жизнь в летописный текст – это не значит объяснить события, это значит внести события в коллективную память, являющуюся «знаком существования национального коллектива в виде единого организма». В свою очередь исторические тексты, с точки зрения прагматики, являют собой каузальные модели событий, и в этом случае обладают другим механизмом «культурного освоения действительности», т.е. «превращения» жизни в текст – он связан «с объяснением ее скрытого смысла» [3, с. 398].

Таким образом, культурное освоение мира сводится к «превращению» мира в текст, и Ю.М. Лотман рассматривает два пути культуризации мира. В рамках первого подхода мир рассматривается в качестве текста, т.е. является «осмысленным сообщением», которое может создаваться неким демиургом – Богом, Абсолютной Идей, Природой и т.п.. В этом случае культурное освоение мира будет заключаться в изучении языка этого текста, его дешифровке, переводу на язык «своей» культуры («природа как Книга» в средневековых текстах, текстах барокко и романтизма) [3, с. 398-399]. Другой подход рассматривает мир как не имеющий смысла и не являющийся текстом, и тогда «перевод» невозможен – культуризация мира происходит через превращение «не-текста» в текст: таков, например, «кантианский взгляд на соотношение реальности и мысли», или концепции «культурного освоения «варварского» мира» через внесение в него цивилизационных структур (греки, римляне, христианство), или превращение природного ландшафта в культурный [3, с. 399].

Рассматривая культуру в качестве текста, Лотман выделяет два типа ее внутренней организации: вневременная парадигма – ее элементы, расположенные на разных уровнях, представляют собой «различные варианты

некоторого единого инвариантного значения» и образуют, так называемый, парадигматический тип организации картины мира; и другой тип - последовательность одноуровневых элементов, сохраняющих свое различие, но располагающихся «в единой временной плоскости» иобретающих значение «во взаимном отношении друг к другу», образует, так называемую, синтагматическую модель мира [4, с. 431]. Парадигматическая картина мира конструируется по принципу «иерархии семантических уровней», которые имеют определенную ориентированность («верх – низ», «внешнее – внутреннее» и т.п.), причем все уровни этой семантической конструкции «в определенной мере взаимно синонимичны», различаясь степенью сгущения некоего единого значения. С точки зрения этой модели «все имеет значение», причем каждый уровень такой «матрешки» является текстом, который может быть познан через «чтение» [4, с. 431], т.е. для данного типа культуры мир предстает в виде книги, а знания определяются умением читать. Кроме того, «разные уровни значений взаимно изоморфны», поэтому весь мир становится текстом, который необходимо дешифровать, причем декодирование может происходить на разных уровнях, изоморфных друг другу. Таким образом, парадигматическая и синтагматическая организации текста культуры «противостоят друг другу как замкнутое незамкнутому» [4, с. 432-433], причем парадигматическая модель имеет, в основном, пространственное значение, в то время как синтагматическая – временное.

Однако рассмотрение культуры в качестве текста требует дополнительных определений, т.к. речь идет о различных объектах изучения – определение культуры, в том числе функциональное, представляет значительные трудности, в отличие от определения понятия текст, который может задаваться «если не логически, то по крайней мере операционально, с указанием на конкретный объект, имеющий собственные внутренние признаки, не выводимые из чего бы то ни было, кроме него самого», а функция, являясь «чистым конструктом», задает ракурс истолкования текста [5, с. 434].

С этой точки зрения Лотману приходится дополнительно определить понятие текста культуры, которое от соответствующего лингвистического понятия отличается тем, что «сам факт языковой выраженности» становится недостаточным для превращения высказывания в текст, т.е. сообщение на языке должно обнаруживать некоторые признаки «дополнительной, значимой в данной системе культуры, выраженности» [5, с. 434-435]. Например, для письменной культуры устные сообщения воспринимаются как не-текст, в дописьменных культурах «дополнительная сверхязыковая» организация выражений становится показателем текстовой организации – в форме пословицы, некоторого афоризма с определенными структурными характеристиками. Лотман считает, что на основе признака, отделяющего текст от не-текста, можно классифицировать культуры, причем эти понятия в случае каждой конкретной границы могут быть «обратимы» [5, с. 435]. Например, противопоставление «письменный – устный», с одной стороны, определяет письменную культуру, а с другой, – существует возможность культуры, в которой тексты культуры будут функционировать в виде устойчивых устных норм, а письменность будет использоваться только для практических обыденных нужд. В этом контексте к текстам культуры Лотман относит сакральные, этико-нормативные, поэтические и др. подобные тексты, т.е. речь идет о некотором наборе текстов, определяющем мировоззренческие ценности культуры.

Таким образом, текст, чтобы распознаваться как текст культуры, должен получить дополнительное значение в сравнении с языковым сообщением (не-текстом). Лингвистически верное языковое сообщение может оказаться ложью, в то время как текст всегда признается истинным, поскольку «ложный текст» – это такой же парадокс, как лживый закон, ложная молитва или ложная клятва, «ложный текст» – это разрушение текста [5, с. 436]. Следовательно, наличие текстов культуры предполагает присутствие «точки зрения текстов», с которой «истина известна, а ложь невозможна», поэтому для исследователя описывание

текстов данной культуры позволяет увидеть иерархию этих точек зрения, т.е. представление о ценностных характеристиках культуры: Лотман выделяет культуры с единой точкой зрения, общей для всех текстов; культуры, имеющие множество точек зрения, выстраиваемых в некоторую иерархию; и культуры с «некоторой сложной их парадигмой» [5, с. 436].

Лотман замечает, что в качестве признака формирования культуры «как особого типа самоорганизации коллектива» можно рассматривать «выделение среди массы общеязыковых сообщений некоторого количества текстов», при этом возвращение значения текстов только к языковому значению указывает на разрушение культуры. Соответственно, для исследователя культуры ценность представляют только сообщения-тексты, т.к. культура - это «совокупность текстов или сложно построенный текст», причем влияние структурного кода культуры, присущего описываемому сознанию, может перемещать «нетексты» в разряд текстов и обратно [5, с. 436-437]. Сознательный отказ от определенного типа культуры или незнание ее кода может проявиться в качестве отказа «от присущей ей системы текстовых значений», которые воспринимаются как «несообщения», имеющие только общеязыковую семантику. Наряду с этим «владение системой культурного кода» зачастую приводит к тому, что на первый план выступают вторичные, культурные значения, заслоняя собой языковое значение текста, т.е. высокая степень семиотичности текста культуры напрямую связана с «нулевой степенью» понятности общеязыкового сообщения (понижении его содержательности). Именно этим объясняется процесс «сакрализации непонятных текстов», когда непонятым «высказываниям» приписывается текстовое значение: например, археологические находки неизвестного назначения, речь врача для больного, всевозможные предсказания, проповеди священника и т.п., причем высокая степень семиотичности текста выступает как гарантия истинности. Следовательно, чтобы сообщение воспринималось в качестве текста, оно должно быть непонятым или малопонятым, двусмысленным, многозначным,

требующим перевода или истолкования [2, с. 238]. С этой точки зрения, искусство порождает только тексты, что и объясняет особый интерес Лотмана к изучению структуры художественного текста. Все эти особенности текстов связаны с ритуализацией «наиболее социально значимых из них», причем рациональная дешифровка ритуала должна быть обязательно затруднена [5, с. 438].

Таким образом, разделение всех сообщений на тексты и не-тексты становится одним из методов исследования культуры, однако, исключение не-текстов из рассмотрения требует выделения «дополнительных признаков выраженности» – таким образом, складывается «иерархия текстов с последовательным возрастанием текстового значения»: в качестве примера Лотман рассматривает систему классицизма с ее иерархией жанров, в которой «признак «быть произведением искусства» возрастает по мере продвижения вверх по шкале жанров» [5, с. 438]. Такой подход позволяет Лотману выявить особенности культуры с парадигматической моделью мира, когда в «единой иерархии текстов последовательно нарастает текстовая семиотика», и в конце концов «на вершине оказывается Текст данной культуры с наибольшими показателями ценности и истины». Синтагматическое устройство культуры определяет совокупность равноправных «в смысле ценности» текстов, описывающих самые разные стороны действительности [5, с. 438].

Литература

1. Лотман М.Ю. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики //Лотмановский сборник. – М.: ИЦ-Гарант, 193. Т. 1. – с. 214–222. [Режим доступа:] URL: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman3.html#T14>
2. Лотман Ю.М. Внутримыслящих миров //Семиосфера. – СПб., 2001. – с. 149-390.
3. Лотман Ю.М. Культура и информация //Семиосфера. – СПб., 2001. – с. 31-399.

4. Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры // Семиосфера. – СПб., 2001. – с. 430-433.
5. Лотман Ю.М. Текст и функция // Семиосфера. – СПб., 2001. – с. 434-441.